

В. П. Поршнеv

Садово-парковое искусство государства Селевкидов

Садово-парковое искусство государства Селевкидов, унаследовавшего значительную часть распавшейся империи Александра Македонского, до сих пор не было предметом отдельного исследования. В отличие от птолемеевского Египта, где царским садоводам удалось гармонично объединить пейзажную планировку, унаследованную от священных рощей и парков Эллады с древнеегипетской традицией регулярной планировки, вряд ли можно говорить о каком-либо специфическом «селевкидском стиле». Тем не менее, садово-парковое искусство времени этой династии представляет большой интерес для историков античной культуры, поскольку оно заполняет временной пробел между искусством паркостроения эпохи эллинизма и дальнейшими этапами истории ландшафтной архитектуры. Унаследовав и обогатив персидские парадизы и Висячие сады Вавилона, распространив культуру греческих полисов на Восток, оно, в дальнейшем, передает свое наследие садоводам Парфии и Бактрии, Пергамского царства, Римской империи. Статья исследует сады и парки на всем культурном пространстве, контролируемом Селевкидами, по отдельным регионам (Малая Азия, Месопотамия, Персия, Бактрия, Сирия). Главное внимание уделено парку в Дафне, пригороде Антиохии-на-Оронте, самому большому и самому знаменитому парку античности. Автор строит исследование как на накопленном археологическом материале, так и на письменных источниках, не всегда имеющих в качественных русских переводах.

Ключевые слова: садово-парковое искусство, государство Селевкидов, парадиз, Малая Азия, Вавилон, винт Архимеда, Селевкия-на-Тигре, Ай-Ханум, Дафна

Valeriy P. Porshnev

Landscape gardening art of the Seleucid Empire

Landscape art of the state **of the Seleucid Empire**, which inherited a considerable part of the broken-up Alexander of Macedon's Empire still was not a subject of a separate research. Unlike Ptolemaic Egypt where imperial gardeners managed harmoniously to unite the landscape planning inherited from sacred groves and parks of Hellas with Ancient Egyptian tradition of regular planning, there is no reason to speak about any specific «Seleucid's style». Nevertheless, landscape art of this dynasty has the great interest to historians of ancient art as it fills a time gap between gardens and parks of an era of Hellenism and further stages of landscape art's history. Having inherited and having enriched the Persian paradises and Hanging gardens of Babylon, having extended the culture of the Greek policies to the East, it, further, transfers the heritage to gardeners of Parthia and Bactria, Pergamum kingdom, Roman Empire. Article investigates gardens and parks on the cultural space controlled by Seleucid's on certain regions (Asia Minor, Mesopotamia, Persia, Bactria, Syria). The main attention is devoted to the park in Daphne, the suburb of Antiochia-on-Ontes, to the biggest and best-known park of antiquity. The author builds a research both on the saved-up archaeological material, and on the written sources which not always are available in high-quality Russian translations.

Keywords: landscape art, Seleucid Empire, paradise, Anatolia, Babylon, Archimedes' screw, Seleucia-on-Tigris, Ai Khanoum, Daphne

DOI 10.30725/2619-0303-2020-4-85-92

Сады и парки на территориях, подвластных Селевкидам, до сих пор не были предметом отдельного исследования. В лучшем случае историки искусства уделяли внимание лишь самому знаменитому из парков – Дафне в Антиохии-на-Оронте. Причина этого не только в недостатке источников, значительно, кстати, пополнившихся после археологических раскопок в Сирии, Ираке и Афганистане в 1930–1990-е гг., тогда как прежде это были лишь разрозненные сообщения греческих и римских авторов. Но и в том, что завладевшее большей частью наследия империи Александра Македонского государство не имело устойчивых очертаний, то теряя целые регионы Азии, то приобретая их вновь. И, в конце концов, сузилось до границ Сирии.

Это были регионы со своими многовековыми культурными традициями, освоение которых приводило к появлению новых садов и парков со своими местными особенностями и к видоизменению старых, доставшихся от вавилонян и персов. В отличие от птолемеевского Египта, где царским садоводам удалось объединить пейзажную планировку, унаследованную от священных рощей Эллады, с древнеегипетской традицией регулярной планировки, говорить о каком-либо специфическом «селевкидском стиле» вряд ли возможно. Хотя парк в Александрии, разбитый на строгие квадраты, внутри которых, однако, чередовались участки с подстриженными деревьями и пейзажные зоны (вокруг искусственной горы святилища Пана и там, где были собраны ботанические коллекции

Птолемея, подразумевающие наличие флоры в естественном состоянии), мог, гипотетически, оказать влияние на планировку царского парка в Селевкии-на-Тигре, по большей части, пейзажные и регулярные парки в разных сатрапиях Селевкидов, как мы покажем, существовали параллельно. Для исследования, поэтому, более подходит региональный подход с анализом частично сохранившихся, хотя и видоизмененных, традиций паркостроения Малой Азии (утраченной Селевкидами в 197 г. до н. э.), Месопотамии (оставшейся в их владении до середины I в. до н. э.), Персии (утраченной, также, в середине I в.), Парфии и Бактрии (где власть Селевкидов была неустойчивой), и Сирии, ставшей последним оплотом Селевкидов до римского завоевания.

Тем не менее, рассматривать садово-парковое искусство государства Селевкидов изолированно в каждом из перечисленных регионов было бы обратной крайностью. Именно владения Селевкидов, из всех «обломков» империи Александра Македонского, подверглись наибольшей эллинизации, выразившейся в массовом переселении греческих колонистов и в масштабном строительстве новых городов. Их планировка, с учетом рельефа местности, была однотипной, что неизбежно должно было касаться и облика парков при храмовых участках и гимнасиях. А также дворцовых парков в старых и новых городах, служивших резиденциями правителей и наместников.

На территории, завоеванной Персидской державой, были распространены доставшиеся Селевкидам в наследство царские охотничьи заповедники, которые античные авторы называли «парадизами». В новоевропейских языках это слово стало синонимом Рая, хотя первоначально *paradeisos*, от авестийского *pairi. daêza*, означало лишь место, окруженное стеной или оградой. Квинт Курций Руф [1, с. 252, 300], опираясь на источники времени походов Александра Македонского, говорит о двух типах таких «протопарков». Это могли быть больших размеров рощи (*nemus*) и горные леса (*salti*), изобилующие источниками (*fontes*) и опоясанные стенами (*muri* – этим термином могла называться любая ограда – каменная, деревянная или земляная). Но также рукотворные парки (*manu consita*). Однако употребляемый и по отношению к ним термин «роща» (*nemus*), с уточнением, что они располагались в оазисах (*regiones diversoriae*) свидетельствует о том, что речь идет не всегда об искусственных насаждениях, но, скорее, об облагораживании ландшафта, включая создание водоемов, посадку и санитарную вырубку деревьев.

Во Фригии Селевкидам достался большой парадиз в Келенах, столице сатрапии [2, с. 10]. Здесь были источники двух рек (Марсия и Меан-

дра, чей исток находился прямо во дворце правителя). В парке была пещера, в которой висела шукура сатира Марсия, казненного Аполлоном согласно мифу, унаследованному греками от фригийцев. Пещера и река Меандр, протекавшая через парк, свидетельствуют о преобладающей пейзажной планировке. Часть парка было озеро, поросшее камышом, из которого делали мундштуки для флейт (память о состязании Аполлона и Марсия) [3, с. 541].

Зная религиозные традиции греков, можно со стопроцентной уверенностью утверждать, что они не только сохранили парадизы, но и дополнили ландшафты жертвенниками Пану, нимфам, сатирам, и прочим божествам природы, а также их скульптурными изображениями.

При Антиохе I, в 280-е гг. до н. э., рядом с Келенами, фактически слившись с ними в один город, строится резиденция этого монарха – Апамея Кибот. Утраченная в 187 г. до н. э., она переходит к Пергамскому царству, а затем к римлянам. Судьба парадиза неизвестна, но, скорее всего, в позднеантичную эпоху он, сократившись в размерах, служил уже не охотничьим заповедником, а городским парком.

Главное назначение парадизов – царские охоты. В Келенах парк был «полон диких зверей» [2, с. 10]. В парадизах Бактрии и Согдианы содержались большие стада породистых животных [1, с. 300]. Специфическими сооружениями были башни, где охотники могли передохнуть, не опасаясь нападения зверей (*receptacula habent*). Персидских царей сопровождали многочисленные телохранители, готовые прийти на помощь, правда, лишь после того, как царь наносил зверю первый удар [4, с. 257]. Александр Великий и его спутники, оказавшись в парадизах на завоеванных территориях, предпочитали демонстрировать македонскую доблесть, сражаясь даже со львами один на один. Среди участников охот, устраиваемых на пространстве от Малой Азии до Индии, был Селевк Никатор, будущий основатель династии Селевкидов. Став хозяином большей части Персидского царства, он не только охотился сам, но и предоставлял право охотиться в парадизах гостям и почетным пленникам [5, с. 397]. Даже поздние представители династии охотились в сопровождении лишь нескольких слуг, хотя объектами охоты были львы, пантеры и дикие кабаны [6, р. 134]. К этому списку добавим, согласно персидским источникам, диких быков, ослов, оленей, буйволов, верблюдов, газелей, кроликов, куропаток, фазанов, жаворонков, журавлей, дроф, уток, павлинов [4, с. 258]. Забота о сохранении популяций столь разных представителей фауны, естественно, требовала наличия огромного штата прислуги.

Также предметом заботы наверняка был растительный мир персидских парадизов, судя по письменным свидетельствам – весьма разнообразный. Описывая флору Киликии и Сирии, Теофраст [7, с. 134], одним из корреспондентов которого был его и Аристотеля ученик Селевк Никатор, указывает что там, в парадизах (*en tois paradeisois*), растут большие и красивые кедры. А в Иерихонской долине – целые леса финиковых пальм [7, с. 63], в Мидии – померанцевые деревья [7, с. 128]. Последние ценились за красоту и выращивались в кадках. Это – указание на наличие у персов садов с регулярной планировкой. Действительно, термин «парадиз» греки употребляли и по отношению к персидским садам, окружавшим дворцы царей и сатрапов.

Западнее Келен-Апамеи находились Сарды, древняя столица Лидии. Здесь на рубеже V–IV вв. до н. э. наместником Малой Азии царевичем Киром Младшим был разбит именно такой парадиз, террасный сад на склоне холма, вершину которого венчал дворец сатрапа. Сад отличался четкой геометрической планировкой, имел прямые аллеи, пересекавшиеся под прямым углом, деревья, посаженные на одинаковом расстоянии друг от друга [8, с. 211–212]. Хотя Кир Младший, пытавшийся захватить верховную власть в Персии, погиб в 401 г. до н. э., парк и дворец не подверглись разрушению. При Селевкидах у подножья холма строятся театр и гимнасий. Холм прорезала большая мраморная лестница. На склоне обнаружено большое количество скульптурных фрагментов и рельефов [9, р. 109–111, 115–117], которые могли быть декоративным убранством обновленного греческими зодчими парадиза. В 213 г. до н. э. город был разрушен Антиохом III при подавлении мятежа и восстанавливался уже правителями Пергама во II в. до н. э. Подобную сардскому парадизу, террасную планировку в дальнейшем получили сады Пергама с их знаменитыми ботаническими коллекциями.

Если природа близких к морю районов Малой Азии мало отличалась от природы Эллады, в Месопотамии греки встретили иную флору и фауну, что вызвало естественное желание как властей, так и переселенцев привить здесь растения исторической родины. Еще при Александре Македонском начались опыты по их акклиматизации. Страна, где садоводством занимались уже четыре тысячи лет, сама напоминала сад, прорезанный каналами, изобилующий пальмовыми рощами. В окрестностях Вавилона греки нашли ботанический сад, принадлежащий казенному незадолго до вторжения войск Александра внуку Багою и забранный в казну. Здесь культивировали различные породы финиковых пальм, в том числе очень редкие [7, с. 63]. Александр

Македонский передал сад первому наместнику страны, своему казначею Гарпалу, бывшему, как и Селевк Никатор, учеником и корреспондентом Аристотеля и Теофраста. Гарпал продолжил опыты персидского предшественника. За девять лет ему удалось привить в садах Вавилоны многие эллинистические породы деревьев (*Hellenica dendra tois en Babyloni paradeisois*), преимущественно с густой листвой [7, с. 127; 10, с. 50]. Из них сложились целые тенистые рощи. Неудачей закончилась лишь попытка акклиматизировать любимый греками плющ, имевший для них и сакральное значение как растение Диониса.

Хозяйство Гарпала было унаследовано Селевком Никатором, который из всех областей своей империи уделял наибольшее внимание Вавилонии. Первые годы после кончины Александра Великого он был здесь наместником, потерял свою сатрапию, вновь отвоевал ее в 312 г. до н. э. и через шесть лет именно в Вавилоне был провозглашен царем.

В числе царских угодий клинописные тексты называют леса, которые, скорее всего, были искусственными лесными массивами, облагороженными трудами царских слуг, поскольку леса, не затронутые человеком, на этих землях вряд ли остались. Царские леса упоминаются и в документах других областей [11, с. 190, 194].

Греческие колонисты занимались виноградарством и разведением оливковых плантаций [3, с. 679]. Была обновлена древняя ирригационная система страны.

Пальмовые рощи в больших поместьях служили не только плантациями фиников. Здесь культивировались редкие породы, ценимые не за плоды, но за красоту и за размеры листьев, дающих тень. Кроме того, для греков пальма была священным деревом Лето (Латоны), матери Аполлона и Артемиды, отождествленных с местными божествами Набу и Нанайей.

Поэтому, без сомнений, пальмовые рощи оформляли священные участки и старых, и новых храмов.

В Вавилоне Селевк I и его ближайшие преемники перестраивают царский дворец на берегу Евфрата. Частью дворцового комплекса были знаменитые Висячие сады, ранее недоступные для посещения простыми смертными. Согласно сочинению «О семи чудесах света», приписываемому Филону Византийскому (Филону Механику), жившему в 250–220-е гг. до н. э., при Селевкидах сады Вавилона становятся публичным парком. Автор пишет о многочисленных посетителях, гуляющих под каменными опорами, держащими террасу, свободно поднимающихся наверх и любующихся заботливо ухоженными деревьями с густо переплетенны-

ми ветвями и цветочными клумбами, между которыми струились потоки воды [12, р. 4–8].

Указанное сочинение представляет собой хвалебную речь или риторическое упражнение позднего времени (V–VI вв. н. э.). Но все «технические» подробности позаимствованы безвестным ритором из не дошедшего до нас более раннего текста, автором которого действительно мог быть Филон, военный инженер, возглавлявший механические мастерские Птолемея III в Александрии. Он мог собственными глазами видеть достопримечательности Вавилона, сопровождая войска Птолемея III, во время войны с Селевкидами оккупировавшего город ок. 246 г. до н. э. и удерживавшего его несколько месяцев [13, с. 92–99].

Интересно замечание о применении для полива Висячих садов винта Архимеда (*kochlioeidōs*), широко используемого по всему эллинизированному Востоку. Именно это устройство позволило обеспечить непрерывную поливку Висячих садов водой из Евфрата.

Неподалеку при Селевкидах были построены театр и гимнасий, продолжавшие складывающуюся «общественную зону» города. В непосредственной близости от садов, на месте снесенной башни Этеменанки, предполагалось возвести храм Зевса, отождествленного с вавилонским Бэлом-Мардуком. Но инициированное самим Александром Великим строительство так и не было завершено. Висячие сады погибли при пожаре 129 г. до н. э., когда Вавилон был первый раз захвачен парфянами.

Вряд ли Селевкиды внесли какие-либо изменения в облик садов, помимо использования винта Архимеда. Висячие сады были ценной реликвией, которую они унаследовали от прежних хозяев Вавилона и естественно, желали ее сберечь такой, какой она им досталась. Сам город, несмотря на некоторые эллинские «вкрапления», в основном сохранял восточный облик.

По-иному, как чисто греческий полис, выглядела новая царская резиденция Селевкияна-Тигре, заложенная Селевком Никатором ок. 305 г. до н. э.

После почти ста лет археологических раскопок облик города вырисовывается «в общих чертах» [14, с. 174]. С дворцовым кварталом отождествляют северную часть города, примыкавшую к городским стенам и к старому руслу Тигра [15, р. 2]. О наличии парка свидетельствует отсутствие здесь сплошной застройки, тогда как остальная территория поделена улицами на правильные квадраты.

Селевк I основал город после того, как с помощью войск своего союзника Птолемея I вернул себе Месопотамию в 312 г. до н. э. До этого,

лишившись власти, он несколько лет провел в Александрии Египетской, где Птолемей предоставил ему убежище. На глазах Селевка велось строительство в Царском квартале Александрии, значительную часть которого занимали парки. Без сомнений облик Александрии повлиял на планы застройки Селевкии-на-Тигре после возвращения Селевка Никатора во власть.

В Царском квартале здесь также были выделены сакральные участки, на одном из которых, вблизи предполагаемых остатков дворца, был построен Героон, храм памяти обожествленных правителей дома Селевкидов [15, р. 14–25]. Южнее обнаружены фундаменты двух храмов, перестроенных в парфянское время. Их парное расположение позволяет предположить, что они были посвящены богам-покровителям династии – Артемиде и Аполлону. В таком случае гипотетическая зеленая зона храмовых священных участков на южной границе Царского квартала, в которую плавно переходил парк при дворце, должна была быть связана с культом. В местах почитания предков греки сажали рощи пирамидальных черных тополей (*populus nigra*). Возле храмов Артемиды – жасмин, мирт, акацию. Священные участки храмов Аполлона обычно оформляли аллеи кипарисов, здесь же сажали лавр и разбивали клумбы гиацинтов.

Парки Александрии украшали многочисленные терракотовые фигуры, причем не только связанные с мифологией, но и представлявшие «бытовой» жанр. В Селевкии обнаружено множество таких скульптур и большая мастерская, где занимались их изготовлением [14, с. 182].

Селевкиды, а затем парфяне сохранили парадизы, расположенные «по ту сторону Евфрата», до границ Индии. Там произрастали многие вечнозеленые растения, заботливо культивируемые (*en paradeisois spania kai meta pollēs epimeleias sōzomena*), такие как лавр (*daphnē*), мирт (*myrrinē*), самшит (*pyxos*) [3, с. 661].

На этом большом пространстве было построено несколько десятков городов, имевших самоуправление. Они были однотипны, имели строгую планировку, строгое разделение сакральной, общественной и жилой застройки и стандартный набор сооружений (храмы, гимнасий, театр, стадион), необходимых для поддержания религиозных и культурных традиций. Парковые зоны создавались при гимнасиях и святилищах.

Эти гимнасии, в отличие от Академии Платона и Ликейя Аристотеля-Феофраста в Афинах, находившихся вне городских стен и включавших большие парки, в которые были преобразованы архаические священные рощи (*hierá sakra*), строились внутри городских укреплений. Размеры парков зависели исключительно от размеров самих

гимнасиев. Это же касается зеленых насаждений на священных храмовых участках (*temenoi*), обычно ограниченных глухими каменными стенами.

Самый большой из известных на сегодня гимнасиев находился в городе на берегу Окса (Аму-Дарья), отождествляемого (спорно) с Евкратидой или с Александрией Оксианой (поселение Ай Ханум на таджикско-афганской границе). Накопленный с 1960-х гг. археологический материал позволяет представить его структуру достаточно полно. Как и структуру всего квартала, граничащего с дворцом двух сатрапов – Стасанора, пытавшегося отложиться от Селевка I Никатора и погибшего [16, р. 899], и сменившего его Кинейя. Планировка очень похожа на ту, что одновременно создавалась в Селевкии-на-Тигре, что объясняется следованиям, в обоих случаях, градостроительным принципам архитектора Гипподама Милетского (V в. до н. э.) и заветам Аристотеля по устройству идеального полиса [17, с. 423].

Парк, о котором свидетельствует отсутствие мощения на большом пространстве, объединял гимнасий с дворцом, Герооном, мавзолеем Кинейя и святилищами Геракла и Гермеса, традиционно считавшимися покровителями гимнасиев. Со стороны города были поставлены пропилеи. Пространство в длину составляло около 350 метров. Посредине находился большой прямоугольный водоем. Рядом располагались однотипные домики гимнасиарха и преподавателей [18, р. 155–162; 19, р. 26–29; 20, с. 31–34; 21, с. 200–273]. Форма водоема свидетельствует о регулярной планировке парка. Как и прямая колоннада, идущая от пропилеев. Парк тянулся вдоль укрепленного стены крутого берега Окса, что уверенно позволяет предположить (с середины III в. до н. э.) использование винта Архимеда для полива. В воды Окса изливалась вода фонтана на северной границе парка, извергаясь из головы Силена (или Ахелоя). Одним из парковых сооружений были солнечные часы (гномон). Обнаружено большое количество фрагментов терракотовых фигур. Найдены остатки экседры, сооружения в виде каменных скамей, расположенных полукругом и обрамленных колоннами. Статуя бородатого философа, возможно, изображает первого гимнасиарха, которым мог быть Клеарх Солийский, ученик Аристотеля, друг Феофраста и земляк Стасанора. Ему приписывается установка возле Героона стелы с назидательными изречениями Семи мудрецов [22, р. 416–457].

Небольшие парки имелись внутри теменосов городских храмов. При раскопках в Джебель Халиде на Евфрате (идентифицируется с Амфи-полем или Никаторием) в святилище обнаружены скульптурные фрагменты, почти идентичные тем, что были найдены в парке гимнасия в Ай-

Хануме [23, р. 125–127]. Между тем парковая зона тут была буквально зажата между известняковой стеной теменоса и внутренней колоннадой, окружавшей храм.

В Антиохии-на-Оронте деревья росли во дворе Мусея, построенного в I в. до н. э. на частные средства горожанина Марона. Это было малое подобие Александрийского Мусея, совмещавшее функции храма и образовательного учреждения. Что обусловило вероятное сходство планировки антиохийского храма Муз с гимнасием. Во дворе был целый фонтанный каскад (Нимфей) [24, р. 235–236, 282, 302]. Время его возведения неизвестно, ранневизантийский источник сообщает лишь, что римский император Марк Аврелий (161–180) отстроил его (заново?) (*ektise Mouseion kai to Nymphaion autou*) и украсил мозаикой с изображением титана Океана. Потом Мусей еще раз реставрируют при императоре Пробе (276–282). Следовательно, возможно, речь идет о парковом сооружении, имевшем в качестве предшественника Нимфей или фонтан эллинистической эпохи, когда начал складываться тип таких сооружений. Например, в Александрии Нимфей с гротом и полуротондой с ионическими колоннами был сооружен в царском парке более чем за сто лет до основания антиохийского Мусея [25, Nr. 978].

В I в. до н. э. владения Селевкидов свелись к одной лишь Сирии, обращенной в римскую провинцию в 64 г. до н. э. Антиохия-на-Оронте, главная резиденция Селевкидов, стала наиболее ценным приобретением римлян. Именно здесь правителями династии был обустроен самый знаменитый из парков древности, расположенный в городском предместье Дафна.

В случае с Дафной мы имеем достаточно большой археологический материал, подтверждающий сообщения античных авторов. А также частично сохранившийся ландшафт с уникальными целебными источниками и средиземноморской флорой, включающей виноградники, оливковые и лавровые рощи, пирамидальные и дикорастущие кипарисы. Археологи вскрыли остатки купален, фундаменты вилл вдоль дороги из Антиохии, фундаменты храмов Аполлона и Зевса, руины театра, где устраивались музыкальные состязания, посвященные Аполлону, и стадиона, где проходили спортивные агоны. Стадиона, строго соответствующего размерами и очертаниями стадиону в Олимпии. К римскому и византийскому времени относятся мозаики и акведуки [26, р. 26–35; 27, р. 150–162].

При том, что Дафна имела некоторые признаки парка развлечений и бальнеологического курорта, она была, прежде всего, священным местом богоявления Аполлона. Для представите-

лей династии Селевкидов Дафна имела особую святость, поскольку Аполлон был объявлен небесным отцом Селевка I Никатора. И тот, заложив город около 301 г. до н. э., сразу же посвятил Аполлону окрестности (*campi vicini*) [28, p. 134]. Сюда, на север Сирии, было перенесено древнее предание об Аполлоне, преследующем Дафну, обратившуюся в лавровое дерево (*daphnē*). Эту сцену запечатлела мозаика из Антиохии III в. н. э. (Princeton Art Museum, inv. Y1965-219).

Когда Селевк I Никатор охотился в лавровой роще, ему было видение Аполлона возле, якобы, того самого дерева, в которое превратилась Дафна [29, p. 467]. Важным моментом является основание святилища в уже существовавшем лесном массиве в ложине между холмами, по берегам речки Ладон (имя речного бога, отца Дафны). Массиве, который стал ядром будущего парка. По распоряжению Селевка I здесь были посажены новые лавровые деревья [29, p. 468]. Их дополнила роща кипарисов «невероятной высоты», растущих непосредственно вокруг храма [30, с. 13]. Это, согласно «Хронике» Иоанна Малалы [24, p. 204], были именно искусственные посадки. Другой источник подчеркивает: *kyparittoi ryknai* [31, p. 556], что можно перевести как кипарисы, имеющие толстые стволы, или как кипарисы с густой кроной. Значит, они не были пирамидальной формы, полученной в результате селекции, но напоминали дикорастущие кипарисы. Что также придавало парку сходство с естественным пейзажем. Это подтверждает и дальнейший рассказ Малалы о тропинке с нежнейшей травой (*odos tēi roai malakē parakehytai*), густой тени, ручьях и пении цикад. И Либаний [29, p. 520] свидетельствуют о тенистых тропинках (*atrapoi schierai*) вместо перипатов (крытых прогулочных галерей), традиционных для парков при гимназиях.

Окружность священной территории определяется Страбоном в 80 стадиев. В зависимости от того, какой стадий имел в виду географ, римский или аттический, цифры варьируются, средняя – примерно 14 км [3, с. 695].

Парковая зона начиналась, фактически, сразу за южными воротами Антиохии. Восьмиклометровая дорога, полого поднимающаяся к холмам, застроенная виллами, утопала в зелени. Дома скрывались за высокими деревьями, отличавшимися своим разнообразием (*phyta pantoia*). Пейзаж дополняли виноградники и кусты роз, орошаемые протоками (*namata*) [29, p. 468]. По этой дороге проходили торжественные процессы.

В парке гостей встречало много построек. Помимо храмов Зевса и Аполлона, храма Афины, находящегося за пределами рощи [24, p. 204], святилища Артемиды в роще [3, с. 695], стадиона,

театра, множества купален, здесь были гостиницы (*katagōgai*) и увитые виноградными лозами мужские покои (*andrōnes* – залы для мужских собраний и трапез) [29, p. 520]. Купальни (*loutra*) у греков строились в виде крытых, иногда – купольных залов, в которых могли быть как большие бассейны, так и отдельно стоящие мраморные ванны. В Дафне купальни располагались по склонам холмов, благодаря чему обеспечивались водой из выше расположенных источников.

Облик храмов Зевса, Аполлона и Артемиды, ввиду того что от них остались лишь фрагменты фундаментов, точно реконструировать невозможно. Перед храмом Аполлона стояли статуи основателей Антиохии (Селевка I Никатора и Антиоха I). Наружные стены и колонны Либаний называет «сверкающими» (*lithōn astrapas*) [32, p. 320], что, вероятно, подразумевает отполированный до блеска белый мрамор. Статуи Аполлона и Артемиды были золотыми (*agalmata duo chrysa*) [24, p. 234].

Сакральность места была «усилена» за счет посмертного почитания причисленных к богам царей, начиная с Селевка I, чье происхождение от Аполлона доказывал якобы врученный богом его матери перстень с изображением якоря [28, с. 134]. Поскольку греческие храмы накапливали и выставляли разного рода подношения и реликвии, перстень, после кончины царя, наверное, хранился в храме Аполлона. Как и другая реликвия – золотой наконечник, найденный в роще, где Аполлон, преследуя Дафну, рассыпал стрелы [29, p. 467].

Культ Аполлона был связан с почитанием Кипариса (кипарисовая роща) и Гиакинфа (Гиацинта), которому, обычно, посвящали гиацинтовые клумбы. В Дафне они, скорее всего, не имели геометрически правильных форм, но имитировали цветочные лужайки.

Со временем местность связали с пребыванием тут Геракла, первым посадившего в Дафне кипарисы [24, p. 204]. И даже миф о суде Париса перенесли из Трояды в Сирию [27, p. 152]. Его изображает антиохийская мозаика II в. н. э., ныне выставленная в Лувре (inv. MA 3443).

Почитание богов заключалось не только в паломничествах, молитвах и жертвоприношениях, которые в культах Зевса и Аполлона были кровавыми, и заклинание жертвенных животных совершалось на больших каменных алтарях (*botoi*) перед храмами. Но было неразрывно связано с культурой массовых зрелищ. Празднества в честь Аполлона Страбон [3, с. 695] называет «всенародными» (*panēgyreis*), подчеркивая, что в них участвовали не только антиохийцы, но и жители соседних городов. Описание продолжавшегося 30 дней праздника при Антиохе IV Эпифане (215–164 гг. до н. э.) оставил Поли-

бий [33, с. 73–76]. В процессии приняли участие более 40 000 человек. Было задействовано 140 колесниц и больше 40 слонов. Около тысячи быков стали жертвами Зевсу и Аполлону. Все дни проходили состязания, спортивные и музыкальные. У Полибия есть упоминание о состязаниях охотников. Но вряд ли они устраивались на священной территории, где, наоборот, по аналогии с другими святилищами, можно предположить разведение прирученных животных, например оленей Артемиды. Охотничьи агоны уместнее локализовать в окрестных лесах Антиохии.

Римляне, сохранив планировку парка, дополнили его новыми постройками. Во II веке н. э. Адрианом был сооружен Нимфей, от которого в разные стороны разбегались потоки. Император украсил его статуями Наяд и фигурой Зевса, держащего небесную сферу [24, р. 278].

Диоклетиан в начале IV в. пристроил к торцам стадиона небольшие храмы Зевса и Немезиды, перестроил храм Аполлона, добавив к белоснежному убранству цветные мраморы, возвел храм Гекаты в виде грота, имитирующего пещеру. И построил в роще дворец, тогда как раньше императоры, посещая Дафну, ночевали в походных шатрах [24, р. 307].

Упадок начался после утверждения в Империи христианства. Фанатики-христиане подожгли храм Аполлона. Юлиан Отступник в 362 г. пытался восстановить языческую святыню, но его правление было слишком коротким. Обращаясь к антиохийцам, Юлиан с горечью говорил о забвении древней веры горожанами [34, с. 238], избравшими Христа хранителем Антиохии вместо Зевса и Аполлона [34, с. 341].

В дальнейшем самый большой и самый знаменитый парк античности превратился в первозданный лесной массив с одиноко стоящими христианскими церквями и скрытыми под землей руинами.

Список литературы

1. Курций Руф К. История Александра Македонского: Сохранившиеся книги / под ред. В. С. Соколова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 478 с.: ил.
2. Ксенофонт. Анабасис; Греческая история / пер. с древнегреч. М. И. Максимовой, С. Я. Лурье, С. А. Соболевского. М.: АСТ: Астрель, 2011. 638 с.
3. Страбон. География: в 17 кн. / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
4. Гюиз Ф. Древняя Персия. М.: Вече, 2007. 336 с.: ил.
5. Плутарх. Деметрий / пер. с древнегреч. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 369–398.
6. Diodorus Siculus. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1967. Vol. 12, libr. 33–40. 678 p.

7. Теофраст [Феофраст]. Исследование о растениях / пер. с древнегреч. М. Е. Сергеевко. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 591 с.: ил.

8. Ксенофонт. Домострой / пер. с древнегреч. С. А. Соболевского // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. С. 197–262.

9. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1983. 466 p.

10. Плутарх. Застольные беседы / пер. с древнегреч. Я. М. Боровского, М. Н. Ботвинника, Н. В. Брагинской. Л.: Наука, 1990. 592 с.

11. Смирнов С. В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2013. 344 с.

12. Philo Byzantinus. De septem Orbis spectaculis. Lipsiae: sumpt. Fr. Chr. Vogeli, 1816. XX, 230 p. Reprinted: Nachdruck: Kessinger Publ. LLC, 2010.

13. Поршнева В. П. Канон семи чудес света Филона Византийского // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 2 (43). С. 92–99.

14. Инверницки И. Селевкия-на-Тигре, греческая метрополия в Азии // Вестник древней истории, 1990. № 2 (193). С. 174–186.

15. Topography and Architecture of Seleucia on the Tigris / ed. C. Hopkins. An Arbor (Michigan): Michigan Univ. press, 1972. 173 p.

16. Bunbury E. G. Stasanor // Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology / ed. W. Smith. Boston: Little, Brown & Co, 1870. Vol. 3. P. 899.

17. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Желева // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.

18. Leucyot G. Ai Chanum Reconstructed // After Alexander: Central Asia before Islam. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. P. 155–162. (Proceeding of the British Academy, vol. 133).

19. Mairs R. The Archaeology of the Hellenistic Far East. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. 75 p. (BAR International Series, 2196).

20. Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М.: Искусство, 1985. 206 с.: ил.

21. Пичиакян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М.: Наука, 1991. 343 с.: ил.

22. Louis R. De Delphes à l'Oxus, inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris: Diffusion de Boccard, 1968. 112e a., № 3. P. 416–457.

23. Wright N. The Last Days of a Seleucid City: Jebel Khalid on the Euphrates and its Temple // Seleucid dissolution: the sinking of the anchor / ed. K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2011. P. 117–132.

24. Ioannes Malalas. Chronographia / ex rec. L. Dindorfii. Bonnae: impensis E. Weberi, 1831. LXXVIII, 799 p.

25. Supplementum Hellenisticum. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1983. Bd. 11. 894 p.

26. Dawney G. A. History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton (New Jersey): Princeton Univ. press, 1961. 752 p.
27. Giorgi A. Ancient Antioch from the Seleucid Era to the Islamic Conquest. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2016. 226 p.
28. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. с лат. А. А. Деконско, М. И. Рижского. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2005. 493 с.
29. Libanius. Oratio XI. Laudatio Antiochiae // Libanius. Opera / rec. R. Foester. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1903. Vol. 1, fasc. 2. P. 412–535.
30. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / пер. с древнегреч. Е. Г. Рабинович. М.: Наука, 1985. 328 с.
31. Procopius Sophista [Gazaeus]. Epistolae // Epistolographi Graeci / rec. R. Hercher. Parisii: ed. A. F. Didot, 1873. P. 533–600.
32. Libanius. Oratio LX. Monodia de Templo Apollinis Daphnaeo // Libanius. Opera / rec. R. Foester. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1908. Vol. 4. P. 311–321.
33. Полибий. Всеобщая история: в 3 т. / пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, 1995. Т. 3, кн. 26–40. 382 с.
34. Юлиан. Антиохийцам или Брэдоненавистник / пер. с греч. Т. Г. Сидаша // Юлиан. Полное собрание творений. СПб.: Квадривиум, 2016. С. 317–356.
14. Invernizzi A. Seleucia on the Tigris the Greek Metropolitan City in Asia. Journal of Ancient History. 1990. 2 (193), 174–186 (in Russ.).
15. Hopkins C. (ed.). Topography and Architecture of Seleucia on the Tigris. An Arbor (Michigan): Michigan Univ. press, 1972. 173.
16. Bunbury E. G. Stasanor. Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology / ed. W. Smith. Boston: Little, Brown&Co, 1870. 3, 899.
17. Aristotle; Zhebeleva S. A. (transl.). Politics. Aristotle. Works: in 4 vols. Moscow: Mysl', 1983. 4, 375–644.
18. Leucyot G. Ai Chanum Reconstructed. After Alexander: Central Asia before Islam. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. 155–162. (Proceeding of the British Academy, 133).
19. Mairs R. The Archaeology of the Hellenistic Far East. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. 75. (BAR International Series, 2196).
20. Schlumberger D. The Hellenistic Orient. Greece Art and it's Successors out of Mediterranean Asia. M.: Iskusstvo, 1985. 206 (in Russ.).
21. Pichicjan I. R. Culture of Bactria. Akhemenidian and Hellenistic periods. M.: Nauka, 1991. 343 (in Russ.).
22. Louis R. De Delphes à l'Oxus, inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris: Diffusion de Boccard, 1968. 112e a. (3), 416–457.
23. Wright N. The Last Days of a Seleucid City: Jebel Khalid on the Euphrates and its Temple. Seleucid dissolution: the sinking of the anchor / ed. K. Erickson, G. Ramsey. Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2011. 117–132.
24. Dindorfii L. (ex rec.). Ioannes Malalas. Chronographia. Bonnae: impensis E. Weberi, 1831. LXXVIII, 799.
25. Supplementum Hellenisticum. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1983. 11, 894.
26. Dawney G. A. History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton (New Jersey): Princeton Univ. press, 1961. 752.
27. Giorgi A. Ancient Antioch from the Seleucid Era to the Islamic Conquest. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2016. 226.
28. Justin; Dekonsco A. A. (transl.), Rizhsky M. I. (transl.). Epitome of the work of Pompey Trog «Historiae Philippicae». SPb.: Publ. house of Saint-Petersburg Univ., 2005. 493.
29. Libanius. Oratio XI. Laudatio Antiochiae. Libanius. Opera / rec. R. Foester. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1903. 1 (fasc. 2), 412–535.
30. Philostratus Flavius; Rabinovich E. G. (transl.). Life of Apollonius of Tyana. M.: Nauka, 1985. 328 (in Russ.).
31. Procopius Sophista [Gazaeus]. Epistolae. Epistolographi Graeci / rec. R. Hercher. Parisii: ed. A. F. Didot, 1873. 533–600.
32. Libanius. Oratio LX. Monodia de Templo Apollinis Daphnaeo. Libanius. Opera / rec. R. Foester. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1908. 4, 311–321.
33. Polybius; Mischenko F. G. (transl.). Histories in Three Volumes. SPb.: Nauka, 1995. 3 (bks 26–40). 382 (in Russ.).
34. Julian; Sidash T. G. (transl.). To Antiochians or Beard Hater. Julian. Collection of creations. SPb.: Kvadrivium, 2016. 317–356 (in Russ.).

References

1. Quintus Curtius R.; Sokolov V. S. (ed.) Histories of Alexander the Great. M.: Moscow State Univ. Press, 1963. 478: il (in Russ.).
2. Xenophon; Maximova M. I. (transl.), Lyrije S. J. (transl.), Sobolevsky S. I. (transl.). Anabasis; Greek History. M.: AST: Astrel, 2011. 638 (in Russ.).
3. Strabo; Stratanovsky G. A. (transl.). Geography: in 17 bks. M.: Ladomir, 1994. 944 (in Russ.).
4. Guiz F. Ancient Persia. M.: Veche, 2007. 336 (in Russ.).
5. Plutarch; Markish S. P. (transl.). Demetrius. Plutarch. Parallel Lives. M.: Nauka, 1994. 2, 369–398 (in Russ.).
6. Diodorus Siculus. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1967. 12 (libr. 33–40), 678.
7. Theophrastus; Sergeenko M. E. (transl.). Enquiry into Plants. M.: USSR Acad. of sciences, Publish. House, M, 1951. 591 p.: il. (in Russ.).
8. Xenophon. Sobolevsky S. A. (transl.). Oeconomicus. Xenophon. Memorabilia. M.: Nauka, 1993. 197–262 (in Russ.).
9. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1983. 466.
10. Plutarch. Borovsky J. M. (transl.), Botwinnik M. N. (transl.), Braginskaja N. V. (transl.). Roman and Greek Questions. L.: Nauka, 1990. 592 (in Russ.).
11. Smirnov S. V. State of Seleucus I (politics, economics, society). M.: Russ. Fund of Assistance to Science and Education, 2013. 344 (in Russ.).
12. Philo Byzantinus. De septem Orbis spectaculis. Lipsiae: sumpt. Fr. Chr. Vogellii, 1816. XX, 230. Reprinted: Nachdruck: Kessinger Publ. LLC, 2010.
13. Porshnev V. P. Canon of the Seven Wonders of the World by Philo Byzantius. Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture, 2020. 2 (43), 92–99 (in Russ.).